

С ВЕТЕРАНОМ Великой Отечественной войны Никодимом Игнатьевичем Ягановым я познакомился на морском берегу среди торосов, в которых лесновские коряки промышляли нерпу. Было это в конце марта. Приехав однажды в Лесную, я узнал, что несколько охотников собираются на следующий день отправиться к морю на зверобойный промысел. Договорился, что возьмут и меня.

Мы почти уже преодолели

лосось охотиться на волков, которых тогда много было в корякской тундре. Они наносили большой урон оленеводству. Немало хищников уложили меткие пули охотника Яганова. А теперь он стрелял в других хищников — еще более опасных.

В часть, где он служил, поступили первые винтовки с оптическими прицелами. Никто из бойцов их раньше в руках не держал, да и надо было пристрелку произвести. Поручили

на лыжах надо ходить, а это не для Яганова. Но лисичи и зыдр он ухитряется добывать: приспособился ставить капканы, не слезая с нарты. Куропаток он в прошлом году полтысячи настрелял и сдал в госпромхоз. Было у него лишь шесть пачек патронов для малокалиберки, триста штук, так он дожидался, когда две-три птицы в табунке на одной линии окажутся, и тогда лишь нажимал курок. Весной Яганов нерпу промышляет наравне с

ЖИЗНЬ — СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР НИКОДИМА ЯГАНОВА

полосу торосов, и тут я увидел, как одна из нарт вырвалась вперед и понеслась по ровному ледяному полю, у края которого синела вода.

— Молодец, дядя Никодим! — восхищенно крикнул охотник, ехавший рядом со мной. — Всех обогнал, хотя и одна нога у него...

— У него что — протез? — не поверил я.

— Да, на войне Никодим ногу потерял...

ЧЕРЕЗ два дня, когда зверобой вернулись в село, чтобы сдать в госпромхоз тюленьи шкуры и жир, я пришел к Никодиму Игнатьевичу в гости. Стал расспрашивать о военных годах. Он достал старую полевую сумку, вытащил из нее ворох потертых справок из фронтовых госпиталей, наградные документы, выписки благодарностей из приказов командования, пожелтевшие от времени фотографии. Перебирая свой архив, вспоминал о пережитом.

— О том, что началась война с немецким фашизмом, я узнал, будучи во Владивостоке. — рассказывает Яганов. — Сразу пошел и подал заявление в военкомат. В Новосибирске мы узнали, что наш эшелон направляется к Ленинграду. Попал я в пехотную дивизию. Сначала мы стояли неподалеку от Пулкова. Шли ожесточенные бои в районе Пулковских высот. Там три ранения получил. Правда, легкие.

По прибытии в действующую армию Яганова вызвал к себе командир взвода.

— Ты ведь с Камчатки? — спросил его лейтенант.

— С севера Камчатки, из Корякского национального округа.

— Говорят, у вас там все охотники и все здорово стреляют? Верно это? Значит, будешь снайпером у нас.

Боец Яганов получил новенькую винтовку и отправился в засаду — охотиться за гитлеровцами. Ночью выполз на ничейную полосу и отрыл окопчик. Замаскировался, стал ждать рассвета. Днем немцы вели себя осторожно, старались не высываться. Два дня Никодим Игнатьевич дожидался подходящего момента. И, наконец, в его снайперской книжке появляется запись о первом уничтоженном фашисте. Потом о втором, третьем...

До войны Яганов приходи-

это Яганову. Освоил он оптику, пристрелял винтовки. И тогда поручили ему на курсах снайперов учить других обращаться с этим оружием. Присвоили звание сержанта, назначили инструктором. Подготовив группу снайперов, Яганов снова вернулся на передний край. Вскоре на его гимнастерке засверкала первая боевая награда — медаль «За отвагу».

После прорыва блокадного кольца вокруг Ленинграда их дивизию перебросили на Первый Украинский фронт. И вместе со своими товарищами по оружию коряк из села Лесная в один из весенних дней 1945 года вышел на берег реки Одер. Там он был ранен в последний раз.

— Я был тогда в разведроту. Группе из нескольких человек дали задание: добыть «языка». Мы захватили в плен немецкого офицера. Только на обратном пути немцы нас обнаежили, стали бить из пулеметов, мины кидать. Осколком меня и ранило, кость на ноге раздробило. Врачи сказали: если ампутацию не сделать, не выжить мне. Вот так я без ног остался...

— Долечивался я в Томске. После выписки домой поехал. Поездом до Владивостока, на транспортном судне — до Петропавловска. В Тиличихах у родича своего пожил, пока зима не пришла. Потом на собачьей упряжке приехал в родное село. Знаешь, быть может, как в то время встречали вернувшихся с войны. Не было звания почетнее, чем фронтовик. Колхоз квартиру мне предоставил в новом рубленном доме, пенсию я стал получать по инвалидности. А двадцать три года всего. Не тот возраст, чтобы довольствоваться положением инвалида, сам понимаешь. Предлагали мне в колхозе работу полегче. Но я выбрал работу столяра. У нас в селе один русский жил, пожилой уже. Хорошим был столяром. Я стал помогать ему, присматривался, учился и постепенно освоил эту профессию. По четвертому разряду столярничал. Мебель делал, оконные переплеты, двери. На этой вот улице, где я живу, в каждом доме мой труд есть. Еще школу я помогал строить, детсад, клуб...

И СЕЙЧАС не сидит без дела Никодим Игнатьевич. Зимой охотится, сдает в госпромхоз пушнину. За сободем

другими охотниками, летом рыбу ловит.

Работа — без нее он себя не мыслит. Я обратил внимание, что, вспоминая один из эпизодов своей фронтовой жизни, Никодим Игнатьевич выразился так: я тогда в разведке работал. Да, это тоже была работа, и он делал ее, как говорится, на совесть.

Незадолго до того, как я познакомился с Никодимом Игнатьевичем, была у меня командировка в село Манилы. Там в правлении колхоза имени XXII съезда КПСС я увидел на доске приказов среди прочих распоряжений и такое: «Тов. Эвнито, прибывшего по окончании Магаданского сельхозтехникума, направить в комсомольско-молодежную бригаду № 6».

И мне вспомнился другой Эвнито. Около сорока лет назад один из первых корякских писателей Кедай Кекеттын, выпускник Института народов Севера, написал повесть «Эвнито — пастух». В ней рассказано о приходе Советской власти на север Камчатки, в корякскую тундру. На глазах героя повести батрака Эвнито жизнь неузнаваемо меняется: изгнаны кулаки-богатеи, хозяевами оленьих табунов становятся пастухи-труженики.

Кедай Кекеттын в 1941 году ушел добровольцем на фронт и окончил свой жизненный путь в одном из боев на Курской дуге. И вот сама жизнь рассказывает историю о пастухе по имени Эвнито. Разумеется, это лишь тетка героя книги. Но сколько тут символического. Этот, второй Эвнито, лишь по рассказам стариков, знает, что такое — батрачить на кулака. И в дымной юрте не приходилось ему жить. Он окончил восьмилетнюю школу в родном селе. Колхоз направил его на учебу в Магаданский сельхозтехникум.

Я рассказал об этом Никодиму Игнатьевичу. Выслушав меня, он помолчал, о чем-то думая. Потом сказал:

— Помню Кедаю Кекеттына. Приходилось с ним встречаться. И книги его я читал. Если бы он мог сейчас увидеть, какой стала жизнь его земляков. И этого пастуха-оленевода Эвнито, окончившего техникум...

Он замолк. Вращались в тишине кассеты магнитофона, записывая минуту молчания в память тех, кто не вернулся с войны.

В. КОВАЛЕВСКИЙ.